

Портрет художника глазами мастеровых

Для разговора о премьере «Бенвенуто Челлини» в Билефельде надо иметь в виду две постоянные величины: насыщенность Германии оперными театрами и несчастливую судьбу опер Берлиоза. И то и другое если не влияет на непосредственное восприятие, то во всяком случае обволакивает последующий оценочный анализ упрямо-объективирующей дымкой.

Билефельдская опера, располагающая не самым лучшим в мире оркестром (в Германии много театров!) и не самым тонким дирижером (Райнер Кох), выбрала так называемый «исходный вариант» берлиозовской партитуры (для «Опера Комик», с разговорными диалогами), который был «запущен в производство» в 70-е годы лондонским «Ковент-Гарденом», — и доказала театральную жизнеспособность опуса, имеющего полное право называться шедевром. То ли перспектива постепенно смещается в пользу «непричесанных гениев», то ли XIX век мало понимал в театральности оперы как жанра, но факт остается фактом: оперы и зингшпили Шуберта, Шумана, Берлиоза, ранние опусы Верди сегодня чувствуют себя на сцене весьма уютно и смело парируют упреки в «несценичности».

Жизнеспособность «Челлини» определили не режиссерский почерк (Хайнц Крайндль: профессионализм как ремесленный навык), не открытия художника (Томас Грубер: грамотность как зашоренность внутри шаблона), не достижения хора и солистов (об этом ниже), а сама музыка Берлиоза. Кажется, такой ритмической изощренности не знает ни один композитор XIX века. Одержимого прихотливой сменой ритмов Берлиоза можно смело назвать Стравинским прошлого столетия. Рваные стакато, сменяющиеся разливными легато, танцевальные взбрыки, оттеняющие певучие трансцендирования, обилие ритмических сбоев на фоне неброской, по-французски сглаженной мелодии делают музыку «Челлини» сгустком чистого наслаждения и драматического напряжения одновременно. Никакие нестройности струнных, никакие расхождения певцов с оркестром (тут особенно выделился исполнитель партии Бальдуччи обладатель красивого баса Дэниэл Льюис Уильямс), никакие несообразности режиссуры (мыкание хора в сцене карнавала) не смогли столкнуть восприятие с позитивного, даже восторженного настроения, музыка Берлиоза постоянно держала чувствилище и разум в радостном напряжении.

Симпатичный грек Захос Терзакис мог бы спеть труднейшую партию Челлини блестяще, работай он с дирижером потоньше: сама фактура его мягкого лирического тенора, прелестные фальцетные ноты изобличают в нем потенциального берлиозовского героя; впрочем, в минус певцу можно поставить и отсутствие природного артистизма, без которого приближение к фигуре одинокого гения вряд ли мыслимо. Виктория Перахиа в роли Терезы старательно выполняет режиссерские указания (за время дуэтов скульптор и его возлюбленная успевают перепробовать почти все позиции любовного акта и синхронизировать музыкальные взлеты с телесными содроганиями) и уверенно продвигает свой отнюдь не белькантовый голос по бушующим морям и тихим заводям Берлиозовой партитуры.

Выше всяких похвал хор под руководством Матиаса Кёлера: даром что поют по-немецки (блистательный перевод Хельмута Брайденштайна, изобилующий образными находками, приложен к программке), звучат совершенно по-французски, изысканно и мягко.

Лучше всех — меццо-сопрано Сузан Макнил в брючной роли Асканио. Режиссер и художник не утрудили себя поисками смысла и облика в отношении «мужской музыки» художника, притом что в свете гендерных исследований брючные роли являют богатую пищу для сценических экспериментов. Макнил пленяет поразительным ощущением стиля, безупречным голосоведением и неподдельным сценическим обаянием. В ее Асканио слышатся все Николаусы, Лели и Октавианы, это красивое, мягкое, подвижное меццо-сопрано обладает одновременно мальчишеской чистотой и женской чувственностью.

Билефельдская опера в эпоху Джона Дью слыла кузницей сенсаций: именно здесь состоялись шумные премьеры «Гугенотов» Мейербера и «Еврейки» Галеви, перекочевавшие в Берлин и Лондон, именно здесь неумный англичанин с успехом поставил оперу Николая Каретникова «Тиль» (я все прикидывал, в какой из лож взволнованный и счастливый композитор проживал напряженные часы премьеры). Сегодня Дью ворожит в Дортмунде — а Билефельд старается держать марку. Вслед за успехом «Геновевы» Шумана этот рядовой немецкий театр, вступивший в 93-й сезон, празднует сегодня как законную победу практическое доказательство гениальности оперного композитора Гектора Берлиоза.

Алексей ПАРИН (Билефельд — Локкум)

Сегодня - 1956 -
4 окт - с 10